Митрошка — он и есть Митрошка. Мужик небольшого роста и непонятного возраста, одетый зимой в засаленную телогрейку, навсегда пропахшую силосом и навозом. Зимняя шапка с отвисшими ушами. Неизменно в зубах потухшая самокрутка с махоркой. Лицо морщинистое, с густыми, нависшими на глаза бровями, с недельной щетиной. Летом он ходил в залатанных штанах, серой рубахе и всегда в резиновых сапогах. Зимой он работал скотником, а летом пас молодых бычков далеко от деревни. Там же и жил в небольшой будке, стоявшей на полозьях на краю небольшого загона, куда загоняли телят на ночь; передвигался он на старой лошади, повидавшей в своей жизни всякого. Лошадь возила нетяжёлого седока, стараясь в любую минуту похрустеть свежей сочной травой. Митрошка, бывало, стрелял дичь, не сходя с лошади, и та привыкла к выстрелам под ухом, не обращая внимания и не пугаясь. Даже запаха медведя, бывшего в тех местах нередким гостем, она не боялась.

Митрошка — мужик живой, никогда не унывающий, всегда имеющий какой-нибудь весёлый случай из своей жизни. Рассказывал он много, и никогда не было понятно, действительно это произошло или просто выдумка. Утром, когда все мужики собирались в правлении колхоза, он находил себе место где-нибудь в сторонке, сворачивал

самокрутку толщиной с палец, прикуривал и прятался в клубах дыма. Смачный махорочный дым плавал по правлению перистыми облаками, как раз на уровне головы. Чтобы кого-нибудь увидеть, нужно было или встать, или пригнуться. Митрошка сидел, сложив ногу на ногу, положив руки с пожелтевшими от махорки пальцами на колени, и щурился от дыма.

— Слышь, бригадир, к телятам повадился медведь похаживать,— сказал он,— ни с того ни с сего. Пока не трогает, но кто знает, что у него на уме?

Про медведей Митрошка рассказывал много и весело, так что все считали такие разговоры про зверя просто очередными байками. Мужики захохотали.

— Так, может, он к тёлкам повадился, там молодух много!

— Ты бы самогона взял да с ним распил, а потом не опохмелил, и медведь к такому другу больше не заявится.

— Митрошка, хватит балаган разводить! — рассердился бригадир.— Хочешь поболтать, так на крыльце много места.

— И приходит в одно и то же время, в девять часов вечера,— продолжал пастух, не обращая внимания на насмешки.— Станет на задние лапы и смотрит на телят, а те в загоне бесятся.

— Ты угомонишься? — сердился бригадир.

— Кабы чего не вышло.

— Ты чего здесь делаешь? Ты пастух или кто? Езжай и смотри за телятами! У тебя бич знатный, вот и перетяни косолапого вдоль спины, пусть телят не пугает! Иди отсюда!

Мужики дружно хохотали. Митрошка потушил цигарку о каблук, крякнул и вышел из правления. Неторопливо отвязал лошадь, медленно залез в седло и поехал к своему дому на край деревни. Мужики ещё долго посмеивались над пастухом.

Через два дня Митрошка утром явился в правление с ружьём.

— Бригадир, давай трактор — медведя привезти.

Он невинно взглянул на мужиков, что сразу вызвало бурное веселье.

— Митрошка, я тебя сниму с пастухов. Ты почему телят бросил?

— На площади есть тракторные сани, на них и привезём.

— Что, больше нечего делать?

— Так испортится же медведь.

— Петро, съезди с ним, но если он соврал, то больше телят пасти не будет.

— Ты что, бригадир, ты Митрошку не знаешь? Митрошка есть Митрошка! Ему соврать — что два пальца обос...ть. Делать мне нечего!

Тракторист, ругаясь, всё же зацепил сани и поехал за Митрошкой.

Через два часа трактор показался из-за леса. Встречать вышла вся деревня. Огромный бурый зверь лежал вдоль саней, колыхаясь при рывках. Люди стояли и молча смотрели, ребятишки бежали за санями. Мужики курили, чесали затылки.

— Да,— говорили они.— Вот тебе и Митрошка. А всё болтал, трепался — и нá тебе.

Митрошка молча ехал на лошади, не слезая с которой и убил зверя одним выстрелом. Дождался, когда зверь в очередной раз появится, и застрелил его. Лицо Митрошки было серьёзным и поэтому ещё более комичным. Но никто не решился смеяться.

Но и после этого случая всё равно никто и никогда не верил его историям.